

ЦѢНА ОТД. № 75 К. и на ст. 85 К.
въ розн. продажѣ

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 2

ЯНВАРЬ 1918

Рис. А. Радакова.

НОВЫЙ ГОЛОВНОЙ УБОРЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА.

Рис. Б. Антоновскаго.

— Скажите, пожалуйста, на что это очередь?

— А пока еще неизвестно. Стали на всякій случай: въ три часа, вѣроятно, откроется свѣчная лавка, въ пять ожидаютъ газетчика съ вечерними газетами, а съ шести, говорятъ ожидаютъ самосуда. Что нибудь намъ да перепадетъ.

ЕСЛИ МОЖНО...

У васъ, мнѣ кажется, тяжелая походка,
Такіе черные, большіе сапоги...

Я васъ прошу безпомощно и кротко,
Напуганный ступней чудовищной ноги...

Я васъ прошу, оставьте мнѣ лазейку,
Хоть щелку малую пролѣзть на Божій свѣтъ.
Я крадучись возьму заброшенную лейку,
Полью цвѣты мои, униженный поэтъ...

Танцуйте ки-ка-пу на тушѣ капитала,
Буржуя хищнаго бросая въ липкій потъ.
Дѣлите восемь шубъ, сережки, одѣяла,
По ульямъ богачей собирайте желтый медъ.

На праздникъ сытости, тупѣя отъ отрыжки
Придете вы съ безуміемъ въ рукахъ—
Порвете тихія, задумчивыя книжки,
Лежащія на полкахъ и шкапахъ...

Оставьте мнѣ прохладные музеи,
Полотна темныя, и мраморъ, и фарфоръ,
Точеный профиль сказочной камеи,
На вазахъ расписныхъ волнующій узоръ...

Швырните жалостно кусокъ интеллигенту,
Вѣдь грязный холстъ и глина—ни на что,
А я посторонюсь, дорогу дамъ моменту,
Пойду мечтать къ Рембрандту и Ватто.

Я въ залахъ отыщу печальную Мадонну,
Взгляну молитвенно въ раскрытые глаза,
Несмѣлой радостью святое сердце трону,
И будетъ свѣтлою моя слеза...

Я васъ прошу, оставьте мнѣ лазейку,
Хоть щелку малую пролѣзть на Божій свѣтъ.
Я крадучись возьму заброшенную лейку,
Полью цвѣты мои, униженный поэтъ...

Александръ Флитъ.

ЭКЗАМЕНЪ СТУДЕНТА КУКОЛКИНА.

Студентъ Куколкинъ дни и ночи просиживалъ дома, готовясь къ экзамену. Хозяйка не топила на резонномъ основаніи, что—„все равно, Троцкій запретитъ“, электрическая станція не давала свѣта, и Куколкинъ ежась отъ холода, при тускломъ свѣтѣ огарка проглатывалъ страницу за страницей толстый учебникъ государственнаго права.

На четвертый день напряженной работы голова Куколкина разбухла и мысли перемѣшались. Мѣстное самоуправленіе сцѣпилось съ чрезвычайно-указнымъ правомъ, бюд-

жетъ плясалъ объ ручку съ Государственнымъ Совѣтомъ, а отвѣтственность министровъ врѣзалась въ уставъ о воинской повинности и смѣшалась съ прерогативами монарха. Но самую страшную путаницу вносили утреннія и вечернія газеты, и несчастный Куколкинъ за два дня до экзамена совершенно потерялъ голову. Въ порывѣ отчаянія онъ изорвалъ истрепанный учебникъ, наговорилъ хозяйкѣ дерзостей и посадилъ кошку въ рояль.

* * *

Профессоръ государственнаго права, маститый, сѣдой старикъ, авторъ многихъ извѣстныхъ трудовъ, вызвалъ Куколкина, взглянулъ въ программу и сказалъ:

— Расскажите объ основахъ республиканскаго строя. Только пожалуйста кратко, точно и догматически определенно.

Куколкинъ ухарски погладилъ небритыя щеки и началъ:

— Республикой называется такая форма правленія...

Профессоръ сочувственно закивалъ головой.

— Нѣтъ.—форма правленія, при которой вся власть принадлежитъ народу. Въ связи съ этимъ основнымъ принципомъ на улицахъ столичныхъ и крупныхъ провинціальныхъ городовъ устанавливаются пулеметы системы Кольта, при помощи которыхъ производится голосованіе и обнаруженіе той общей воли, о которой въ свое время писалъ небезызвѣстный большевикъ Руссо, настоящая фамилія котораго Перельштейнъ...

Профессоръ испуганно посмотрѣлъ на Куколкина.

— Да, Перельштейнъ... Въ каждой республикѣ существуетъ власть законодательная, исполнительная и судебная, какъ на это указалъ разоблаченный провокаторъ членъ „Бунда“ Монтестье, по партійной кличкѣ „Туристъ“... Законодательная власть принадлежитъ всему народу, который съ этой цѣлью устраиваетъ, совѣтъ рабочихъ солдатскихъ и матросскихъ депутатовъ. Для правильныхъ выборовъ существуютъ двѣ системы. Система мажоритарная, при которой разстрѣливаютъ изъ пулеметовъ и система пропорціональная, при которой выборныя урны ставятся въ Крестахъ и въ Петропавловской крѣпости. Законодательная власть осуществляется при помощи декретовъ, которые сначала пишутся рукой, потомъ переписываются на пишущей машинкѣ, а потомъ печатаются въ типографіи. Иногда законодательная дѣятельность требуетъ разбитія винныхъ погребовъ; въ связи съ этимъ существуетъ ученіе объ абсолютномъ и суспензивномъ вето. Если коньякъ, то абсолютное; если съ бѣлой головкой...

— Лучше расскажите,—нервно перебилъ Куколкина профессоръ,—объ исполнительной власти.

— Исполнительная власть принадлежитъ Файерману. Въ республикѣ она тѣсно связана съ судебной, для чего избирается трибуналъ. Членами трибунала не могутъ быть несовершеннолѣтніе, калединцы, корниловцы и неодушевленные предметы... Бываетъ трибуналъ фабричный и не фабричный. Когда предсѣдательствуетъ товарищъ Сидоръ...

— Вы... здоровы?—спросилъ профессоръ.

— Вполнѣ! Не знаю даже насморка. Ежедневно обливаюсь холодной водой...

— Такъ... Ну, скажите тогда о такъ называемыхъ основныхъ правахъ личности.

— Прежде всего неприкосновенность личности, Кон-

ституція строго слѣдитъ за тѣмъ, чтобы, когда пришли, наприимѣръ, въ клубъ...

— Какъ?

— Въ клубъ, т. е. въ такое учрежденіе, гдѣ четыре табло, одинъ банкометъ, одинъ кругъ и двѣ швали. И вотъ когда приходятъ въ клубъ, то согласно основнымъ законамъ, всѣ поднимаютъ руки вверхъ! Банкомету предоставляется подать кассационную жалобу въ просвѣтительную комиссію мѣстнаго районнаго совѣта рабочихъ, солдатскихъ и батрацкихъ...

— Довольно! Кого управомочиваютъ основные законы на заключеніе договоровъ съ иностранными державами?

— По этому вопросу въ наукѣ государственнаго права существуетъ нѣсколько теорій. Германская теорія признаетъ Шнеура; по другой теоріи это право принадлежитъ Карахану. Существуетъ еще одна теорія, признающая права симферопольскаго велосипеднаго кружка и казанскаго шахматнаго собранія... Еще... Я очень волнуюсь господинъ, профессоръ...

— Успокойтесь. Можетъ быть вы что нибудь скажете по поводу проектовъ основныхъ законовъ?

— Проекты основныхъ законовъ составляются специальными комиссіями, подъ предсѣдательствомъ фельдшерицы Мани Пундикъ. Соответствующій проектъ представляется на разсмотрѣніе союза деревообдѣлочниковъ, и тогда...

Профессоръ молча барабанилъ пальцами по столу.

— И тогда, если районная управа, по соглашенію съ домовыми комитетами...

Старый профессоръ тяжело вздохнулъ.

— Дайте вашъ матрикулъ.

Куколкинъ протянулъ книжку, и профессоръ вписалъ въ графу государственнаго права размашистое четкое „весьма“.

* * *

Куколкинъ кончилъ университетъ. Что же касается стараго профессора, то, по слухамъ, онъ сошелъ съ ума.

Онъ бѣгаетъ по Невскому проспекту и спрашиваетъ испуганныхъ прохожихъ не видали ли они его любимаго слона, который, кажется, вошелъ на переднюю площадку трамвая. По свидѣтельству психіатровъ положеніе профессора безнадежно.

Благодарный Куколкинъ переслалъ ему черезъ редакцію одной изъ газетъ три рубля въ фондъ „саботирующей буржуазіи“.

Бор. Мирскій.

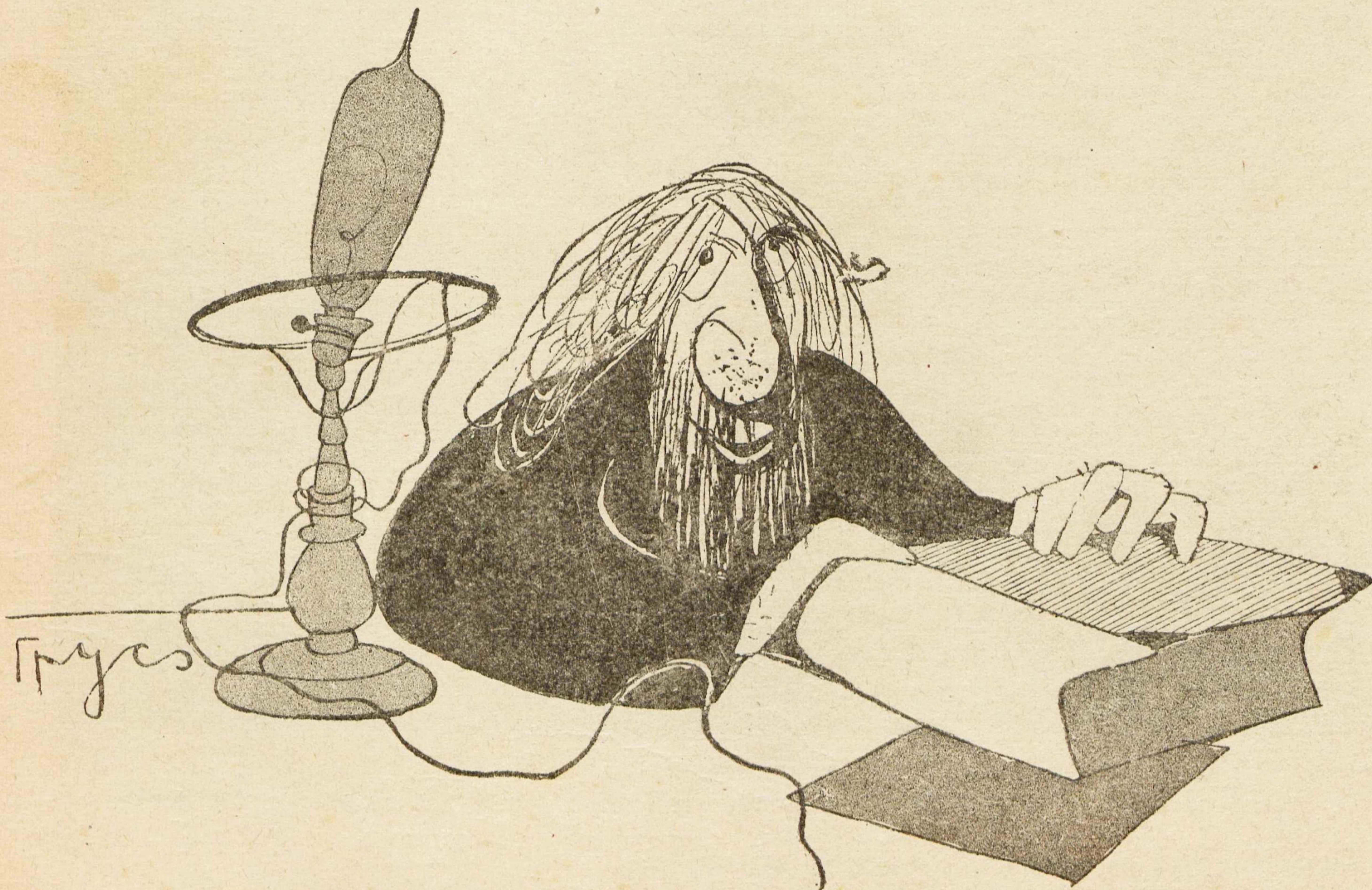
НА ПЛЕВАТЬ.

О Россіи плачутъ, идіоты,
Точно имъ она родная мать.
Точно нѣтъ у нихъ другой заботы...
Ну, а мнѣ на все вотъ наплевать.
Эка важность—Родина!.. Ну, что же,—
Значитъ ей такая ужъ судьба,
Если намъ сокровищъ всѣхъ дороже.
Ренсковые только погреба.
Знаемъ, знаемъ вашу мы свободу:—
Не воруй, не пьянствуй, не дури.
Эго, братъ, не русскому народу,
А жиду, иль нѣмцу говори.
А у насъ широкія натуры.
Мы безъ книгъ всѣхъ книжниковъ умнѣй.
Хватитъ съ насъ и той литературы.
Что заборы дѣлаетъ живѣй.
Всеравно намъ—дьяволъ, или Ленинъ.
Честный ты, иль просто ловкій тать.
Только тотъ намъ дорогъ и безцѣненъ,
Для кого на все и вся—плевать.

Ля Сержъ.

ОБРАТНО, КЪ ЛЕДНИКОВОМУ ПЕРІОДУ.

Рис. Казимира Груса.

Ученый: —Итакъ, зная, что отъ 10 до 2-хъ я пишу свой трудъ „Органическая жизнь въ ледниковомъ періодѣ“, а съ 2-хъ до 5-ти скалываю ледъ на улицѣ по декрету комиссаровъ...

НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУДЪ

Рис. Н. Д.

Харонъ:—Кажется, этихъ людей не такъ-то быстро надо отвозить въ царство мертвыхъ...
Какъ-бы вскорѣ не пришлось перевозить ихъ обратно.

БРЕВНО ВЪ ГЛАЗУ.

Рис. Ре-Ми.

— Эхъ, Анисья, кабы эту буржуазію къ чорту, да скопить бы намъ съ тобсей капиталецъ, да съ процентовъ жить начать—вотъ это былъ бы настоящій пролетаріатъ!

РЕКВИЭМЪ.

Гранитныхъ бурь палящее волнение,
И, страхомъ зыблемый, порогъ,
И пуль прямолинейныхъ пѣнье—
Перенесли мы,—кто какъ могъ.
Въ стѣнныхъ дырахъ прибавилось намъ неба,
Расписаннаго тезисами дня;
Довольны мы; зубамъ не нужно хлѣба,
Сердцамъ—огня.
Истощены мышленьемъ, чрезвычайно,
Опутаны мережами программъ,
Мы—проповѣдники въ ближайшей чайной
И утѣшители нервозныхъ дамъ.
До глупости, до полного безсилья
До святости—покорные ему,
Бумажные, къ плечамъ цѣпляя, крылья,
Анафему поемъ уму.
Растерянность и трусость стали вѣрой,
Двуличности позорнымъ костылемъ

Мы подпираемся и, съ той же въ сердцѣ мѣрой
Другихъ къ себѣ зовемъ.
Свидѣтели отчаянныхъ попытокъ
Состряпать супъ изъ крупъ и топора—
Мы льстиво топчемся,—хотя кнута и пытокъ
Пришла пора.
И крѣпкій запахъ смольнинской поварни
Намъ потому еще не надоѣлъ
Что кушанья, прѣснѣе и бездарнѣй
Кто,—любопытный,—ѣлъ?
О, дикое безжалостное время!
Слезамъ невольнымъ даже нѣтъ русла,
Какъ поглядимъ—на чье тупое темя
Вода холодная спасительно текла!
Лѣтъ черезъ триста будетъ жизнь прекрасной,
Небесный сводъ алмазами сверкнетъ
И обезпеченъ будетъ—безопасный
Въ парламентъ входъ.

А. С. ГРИНЪ.

БОЛОТНЫЕ ТУМАНЫ.

Фельетонъ Арк. Аверченко.

Сейчасъ большевики хотятъ возродить русскую армію,
сдѣлать ее вновь сильной и мощной.

Оглянемся назадъ...

Я вижу, какъ по площади, мѣрно и аппетитно отбивая шагъ, идетъ рота солдатъ. Всѣ молодцеватые, подтянутые, съ такими мило-серьезными русскими лицами. Штыки ружей—какъ нарисованные на фонѣ блѣдно-голубого зимняго неба, погоны, если на нихъ посмотрѣть, прищуривъ одинъ глазъ—вытянулись въ прямую нитку. Какъ по линейкѣ.

Подходить, поскрипывая по снѣгу щеголеватыми сапогами ротный—и застоявшійся морозный воздухъ рветъ звонкое:

— Ррота, стой! Смир-р-рно!

Р-разъ!

Отчетливый стукъ одного общаго сапога.

Замерли. На диво сложенная машина сразу, отъ одного маленькаго поворота винтика—стала!

— Здорово, р-ребята!—весело поблескивая бойкими глазами, рветъ ротный.

— А-ррѣ, а-ппѣ, ап-пѣ, ап-пѣ!—рубить на диво сложенная машина.

— Доценко! У третьяго съ праваго фланга нѣту пуговицы... Ты чего смотришь? Подъ ружье захотѣлъ?

— Такъ что, навѣрное, только что оборвалась, ваше благородіе!

— Ты мнѣ поговори! Ежели пуговица хорошо пришита—какъ она сама оборвется? Чтобъ у меня это—послѣдній разъ!

— Слушаю-съ! Ваше! Благородіе!

И офицеръ не сердится и солдатъ не испугался—просто надо же, разъ безпорядокъ.

Въ машинѣ должно быть все пригнано до послѣдняго винтика. Вотъ, потому-то когда эта человѣческая машина будетъ двинута въ атаку на другую такую же вражескую машину—машина застучитъ, запыхтитъ и, рывкнувъ „ура“! всѣмъ своимъ машиннымъ корпусомъ ринется впередъ.

— Р-ряды вздвой!!

Рразъ! Два! Три!

Идеальный механизмъ!

И вдругъ—оглядываясь мысленно назадъ, вижу я, какъ изъ криваго переулочка выходитъ на площадь трусливая, крадущаяся, какъ шакалъ—фигура штатскаго.

Онъ подходитъ, озираясь, сзади къ стройной шеренгѣ и начинаетъ нашептывать что-то — одному, другому, третьему...

Солдаты переглядываются, начинаютъ хихикать, подталкиваютъ другъ друга локтями, шеренга ломается, скручивается и... чудесное превращеніе!

Шапки сдвинуты на затылокъ, шинель однимъ краемъ волочится по землѣ, походка развинченная...

Растерянный офицеръ что-то кричитъ, бѣгаетъ отъ одного къ другому, уговариваетъ.

Его отпихиваютъ. Молодой солдатъ съ соннымъ веснушчатымъ лицомъ, лѣниво поднимаетъ винтовку и стрѣляетъ въ своего офицера.

Падаеть офицеръ, ставя красную точку на первомъ этапѣ „соціальной революціи“.

Сдѣлавъ свое дѣло, штатскій человѣкъ снова уползаетъ въ кривой темный переулокъ, но и безъ него кипитъ организаціонная работа: уже одна часть „на диво сложенной машины“ взвалила на плечи сунлучки и мѣшки и, пробивая прикладомъ окно вагона лѣзетъ внутрь на голову буржуа—тяга домой! Уже другая часть примостилась тутъ же на площади съ корзинками, ларьками, просто съ коробками папирозъ—второй этапъ „соціальной революціи“. Уже третья часть поймала жалкаго, безпомощнаго буржуа и тянетъ съ него шубу, уже звенять бутылки разбитыхъ погребовъ—третій и послѣдній этапъ „соціальной революціи“.

И опять вижу я, какъ крадучись и, по шакальи виляя задомъ, выходитъ человѣчекъ въ штатскомъ, сокрушенно оглядывается и говоритъ, разведя руками:

— Гдѣ же наша армія? Ахъ, жалосты!.. Товарищи! Объявляю священную войну противъ имперіалистовъ! Организуйтесь, товарищи! Да здравствуетъ дисциплина!

Гляжу я на него—шакалъ, форменный шакалъ. Уткнулъ морду въ трупъ и съ наслажденіемъ разворачиваетъ лапой выпавшія внутренности.

— „Священная война“!

На-кось, выкуси!

* * *

Когда я былъ маленькій, мой отецъ имѣлъ въ Севастополѣ три бакалейныхъ лавки.

Хорошее было время... Могу сказать съ гордостью, что я выросъ на рукахъ черноморскихъ матросовъ. Они—большіе, плечистые, съ шеями, мощными и стройными, какъ колонны—приходили къ отцу покупать для судовыхъ командъ товары, и я, какъ живой мячъ, все время переходилъ изъ однихъ рукъ въ другіе. Какъ я ихъ любилъ, этихъ огромныхъ здоровяковъ!

Такъ было уютно и безопасно покоиться на ихъ твердыхъ рукахъ, по которымъ шариками бѣгали развитые крѣпкіе мускулы; такія широкія, какъ прибрежныя скалы, мышцы груди, такія могучія, не стѣсненныя воротниками шеи.

Тонкая „голланка“ трещитъ отъ малѣйшаго движенія

стальных рычагов рукъ, а матросъ подбрасываетъ меня къ потолку темной лавки и голосомъ, привыкшимъ къ конкуренціи съ воемъ шторма—кричитъ:

— Любишь такъ? Не боишься!

Еще бы! Да это приятно перекидныхъ качелей.

Отъ матросовъ такъ приятно пахло махоркой и здоровымъ молодымъ потомъ, что я, свернувшись на теплыхъ рукахъ калачикомъ, часами слушалъ ихъ непонятные разговоры съ отцомъ о макаронахъ, чаѣ и свѣчахъ.

И они мнѣ дѣлали чудесные подарки. Морскихъ коньковъ съ закрученнымъ спиралью хвостомъ, ракушки, а—большей частью—огромные акварельные рисунки броненосцевъ и миноносокъ, гдѣ недостатокъ искусства живописца скрашивался изумительной точностью деталей—цѣлая паутина вантовъ и рей, и „все“, какъ съ гордостью говорилъ мой простодушный отецъ, „все на своемъ мѣстѣ“...

Не было на свѣтѣ чудеснѣе человѣка, чѣмъ черноморскій матросъ, когда онъ шелъ по узенькимъ севавтопольскимъ улицамъ въ снѣжно-бѣломъ костюмѣ, немного наклонивъ впередъ прекрасную голову на бычачьей шеѣ и переваливаясь съ ноги на ногу съ какой-то львиной граціей. Съ правой стороны брюкъ—обязательный огромный желвакъ—это карманъ, набитый сѣмечками. За спиной теплый вѣтерокъ чуть-чуть вздымаетъ черныя ленты шапки, а если сбоку шагаетъ товарищъ, то оба идутъ обязательно обнявшись—такая ужъ мода.

Какъ я любилъ васъ, мои милые жилистые черноморскіе орлы, мои дорогіе друзья!

Но... изъ грязнаго вонючаго переулка, вихля задомъ выползъ шакалъ, шепнулъ вамъ два страшныхъ по своей простотѣ и доступности словечка—и вотъ уже полетѣли на Малаховомъ курганѣ головы вашихъ благородныхъ офицеровъ, и носите вы по притихшимъ отъ ужаса славнымъ севавтопольскимъ улицамъ эти головы, вонзивъ ихъ на обгаренные святой кровью штыки...

Львы превратились въ шакаловъ, орлы—въ коршуновъ-стервятниковъ, а гдѣ вы, которые баюкали меня въ теплыхъ ласковыхъ объятіяхъ—слышите-ли вы меня, чувствуете-ли что дѣлаютъ дѣти ваши, черноморскіе „орлята“?

Нѣтъ! Нѣтъ! Пусть не на нихъ кровь мучениковъ—бѣдные они, темные задуренные, затуманенные люди!

Видите вы эту шакалью морду, которая хохочетъ во мракѣ?

На ней кровь.

АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО.

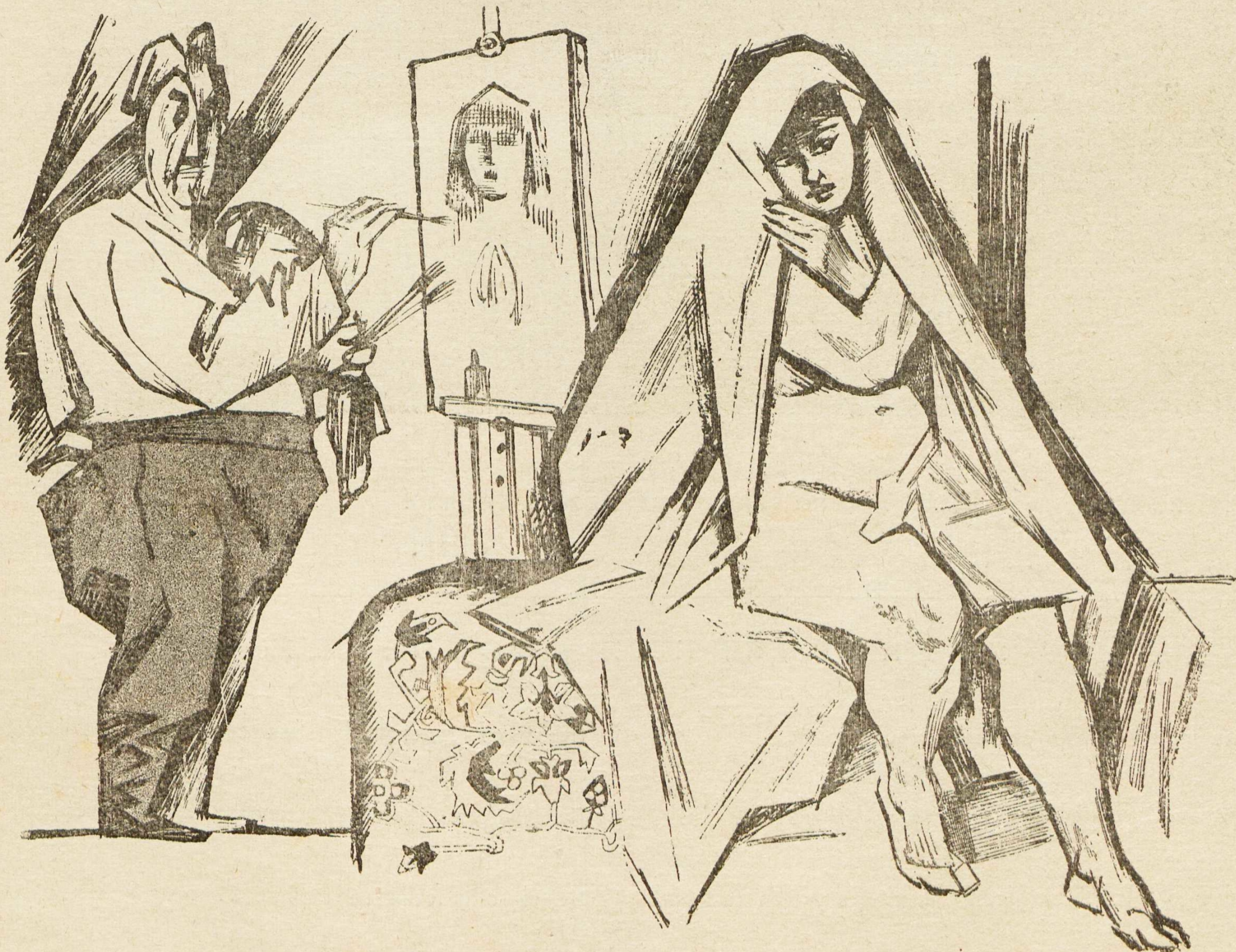
М И Р Ъ.

Я поларю тебѣ орлиное перо,
А ты мнѣ подари фунтъ сахарныхъ каштановъ
И мы помиримся, и больше я не стану
Дразнить тебя и звать тебя „Пьеро“.
Часы въ столовой тикаютъ такъ сонно,
И попугай на жердочкѣ молчить.
У самовара глупый видъ
Отъ колпака нелѣпаго фасона.
Шуршитъ твоя вечерняя газета,
А я каштаны сладкіе грызу
И „Капитанъ“, соленыя галеты.
Я рада, что развѣяла грозу,
Что ты сегодня нѣжную поэму
Напишешь о Пьереттѣ и Пьеро,
Что это я дала тебѣ такую тему:
Фунтъ сахарныхъ каштановъ—и перо.

ЛИДІЯ ЛѢСНАЯ.

К О Н Е Ц Ъ С Е З О Н А.

Рис. А. Радакова.

— Сегодня опять всѣ театры закрыты?
— Какъ-же. Даже театръ военныхъ дѣйствій.

СОЦІАЛЬНАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ.

Рис. К. Груса.

— Вотъ, товарищъ, говорятъ— социальная революція, социальная революція! А, все таки, мы и теперь, какъ лакеи, должны снимать съ буржуевъ пальто!
— Когда? Гдѣ?
— Ночью. На Марсовомъ полѣ.

ПОДНОВЛЕННЫЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Къ чужой одежкѣ направляй свои ножки.

Не говори—гопъ! пока не повѣсили.

На чужой каравай ротъ по карточкѣ разѣвай.

Пока погромъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится.

Въ чужомъ глазу бревно видишь, а у себя на кухнѣ и полна не найдешь.

Не въ свои сани не садись, 25 рублей за конецъ сдеруть.

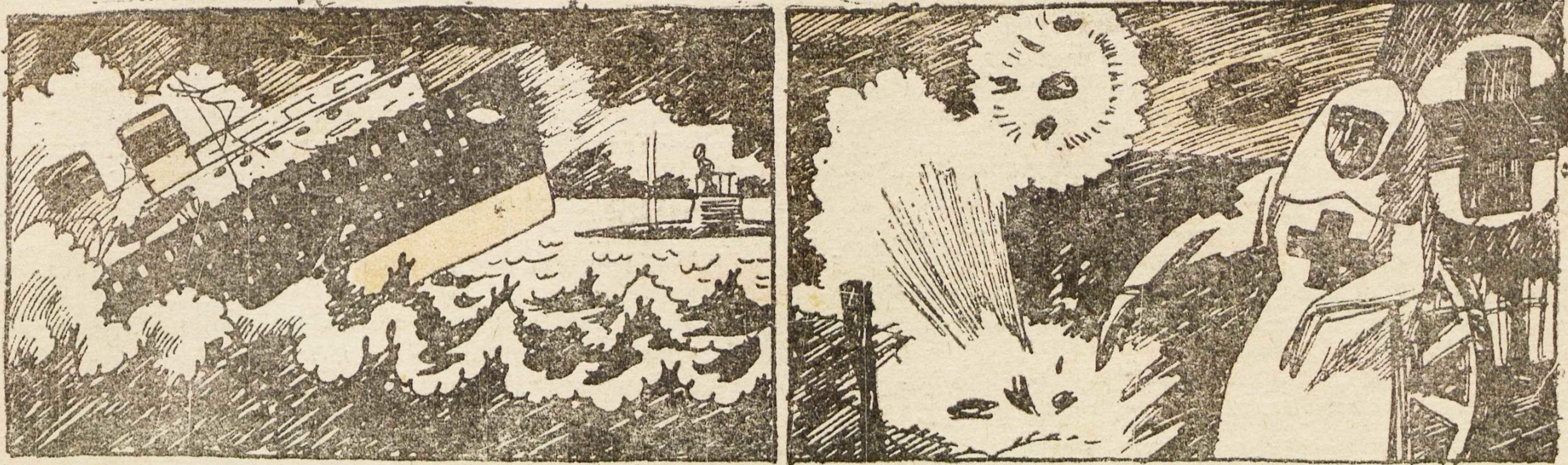
Жалуется царь, да не жалуется теперь псарь.

Что у пьянаго на языкѣ, то у трезваго въ декретѣ.

ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВАГО НѢМЕЦКАГО КОММИВОЯЖЕРА.

(Национальное)

Рис. Ре-Ми.

Все забыто...

ПОКОЙНЫЙ ЛИВАШИНЪ.

Разказъ Арк. Бухова.

Сначала что-то очень зарѣзало въ боку, стало холодно сердцу и въ горлѣ внезапно родилась, разбухла и деревяннымъ прикосновеніемъ сдавила его стѣнки какая-то тяжелая сухая пробка.

Ливашинъ хотѣлъ подѣлиться съ окружающими, что онъ умираетъ, но тѣ уже догадались объ этомъ и въ комнатѣ поднялась суетня. Послѣ этого прошли два-три часа какой-то темноты, ничего-непониманія и, наконецъ, Ливашинъ почувствовалъ, что теперь ему стало легко, что онъ лежитъ на столѣ, а около него много знакомыхъ и незнакомыхъ людей.

— Здорово я пугнулъ васъ—съ улыбкой сказалъ Ливашинъ—заставилъ таки на себя поработать...

Никто ему не отвѣтилъ, какъ будто бы не разслышавъ его вопроса. Только жена Ливашина, горестно взглянувъ на него, пробормотала:

— Прощай, Вася... На кого ты меня покинулъ?..

— Не безпокойся... Конечно ужъ не на господина Ишуткина, который только этого и дожидался—проворчалъ Ливашинъ—успѣла, поди, ему позвонить?

Жена не отвѣтила, разгладила большой носовой платокъ и стала красной мѣткой выдирать слезу изъ праваго глаза.

— Удивительный человекъ былъ покойникъ—съ болѣзненной печалью въ голосѣ прошепталъ Ливашинскій квартирантъ, покачавъ головой—рѣдкаго безкорыстія человекъ. Бывало зайдетъ ко мнѣ въ комнату: а что, Иванъ Сергѣевичъ, можетъ нуждается? А что, Иванъ Сергѣевичъ, можетъ нужно чего...

— Позвольте, позвольте,—возмущенно отозвался Ливашинъ—когда это было? Вы-бы лучше отдали мнѣ сорокъ рублей, а потомъ за мое безкорыстіе схватились...

Повидимому квартирантъ не слышалъ упрека. Онъ еще разъ горестно покачалъ головой, подошелъ къ Ливашину и сочно поцѣловалъ его въ губы, обдавъ жирнымъ запахомъ подсолнечнаго масла.

— Ну это слишкомъ—рѣзко заявилъ Ливашинъ—будетъ поиздѣвались...

Онъ сдѣлалъ попытку встать со стола и почувствовалъ, что это удалось ему страшно легко. Невѣсомый и невидимый прыгнулъ онъ на полъ, произведя шумъ не больше чѣмъ, это сдѣлало-бы мушинное крыло упавшее съ крыши на тротуаръ, но когда оглянулся назадъ, на столѣ, съ котораго прыгнулъ—обомлѣлъ отъ ужаса и необычности: на столѣ лежалъ онъ самъ, Ливашинъ, съ закрытыми глазами, со сложенными на груди руками, тщательно прикрытый до подбородка простыней.

— Да, кажется я дѣйствительно умеръ—грустно сказалъ онъ—допрыгался, Вася...

Потомъ отошелъ немного въ сторону и, замѣтивъ только что прибывшаго Ишуткина, прошелъ сквозь него. Это еще разъ подтвердило правильность его діагноза о своемъ состояніи.

II.

Когда Ливашинское тѣло уложили въ гробъ и поставили на катафалкъ, самъ онъ сѣлъ сбоку на крышку и сталъ наблюдать за похоронами.

— Удивительное дѣло—говорилъ Ливашинъ, пользуясь тѣмъ, что его никто не слышитъ—откуда только они въкапываютъ это... Сейчасъ вотъ Сумичовъ этотъ... Подходить къ женѣ и началъ: духъ его съ вами, плачетъ надъ вами, убивается... Откуда этотъ лысый дуракъ знаетъ? И съ чего я стану плакать надъ ней? Женщина она здоровая, ѣстъ какъ лошадь, въ театрѣ можетъ цѣлый высокосный годъ просидѣть, а ужъ насчетъ мужчинъ... Не будь я покойникъ, кое кому-бы не пришлось идти на моихъ похоронахъ...

Къ катафалку подошелъ бывший начальникъ Ливашина по конторѣ, снялъ котелокъ, подумалъ немного, почесалъ переносицу и дѣловито замѣтилъ:

— Миръ праху твоему...

— Вотъ оно что?—огрызнулся Ливашинъ—миръ? А если этотъ самый прахъ сейчасъ четыре версты на этой колымагѣ повезутъ по камнямъ и по ухабамъ—это, по твоему, миръ? Да? Взять бы этотъ прахъ за ноги да хватить-бы тебя толстаго осла по черепу...

Начальникъ ушелъ, а къ катафалку протискался сѣдѣнкій старичекъ, когда-то продавшій Ливашину мебель съ гнилой кожей, и ткнулъ маленькій вѣночекъ.

— Трешницу заплатилъ—хмуро спросилъ Ливашинъ—больше-то не могъ, сквалыга? На саванъ оставилъ? Ничего, тамъ встрѣтимся, я тебѣ этимъ вѣночкомъ-то трехрублевымъ...

— Да будетъ тебѣ земля пухомъ—пробормоталъ вѣжливо старичекъ.

— Да ужъ надѣюсь, что не булыжниками—заворчалъ Ливашинъ—этого-бы еще не хватало... Иди, иди, дѣдка... Еще насморкъ схватишь, на лѣкарство истратишься...

Катафалкъ тронулся. Ливашинъ слѣзъ, смѣшался съ толпой и чрезъ минуту уже гдѣ-то ругалъ факельщика:

— Ты цилиндръ-то начистить не могъ? Факель-то поправить тебѣ трудно было? Даромъ хоронишь, я тебя спрашиваю...

Потомъ снова вскочилъ на катафалкъ, пріоткрылъ гробъ и сочувственно посмотрѣлъ на свое тѣло.

— Лежишь, братъ? Ну лежи, лежи... Ничего, братъ, не подѣлаешь. Всѣхъ такъ свезутъ...

И такой нѣжностью вдругъ заболѣла душа Ливашина къ этому спокойному тѣлу, что захотѣлось погладить его, или сказать что-нибудь пріятное.

— Сейчасъ, братъ, пріѣдемъ... Ляжемъ въ могилку и будетъ у насъ покой. Ни тебѣ на службу, ни тебѣ въ гости, ни тебѣ на извозчикъ...

III.

Первые нѣсколько дней Ливашинъ блаженствовалъ. Онъ бѣгалъ по кладбищу, знакомился съ покойниками, забѣгая поболтать съ однимъ старымъ чиновникомъ въ фамильномъ склепѣ, а когда надоѣдало возвращался въ могилу, влѣзалъ въ тѣло и сладко потягивался.

— Такъ сказать казенная квартирка—хвастался онъ насчетъ своего тѣла чиновнику изъ склепа—жаль только если испортится... Сами понимаете—и червь завестись можетъ и сырость... За всѣмъ не усмотришь...

Чиновникъ, у котораго остался только скелетъ, гдѣ было жестко и неудобно, обиженно завидовалъ и умолкалъ.

На кладбищѣ жизнь шла мирно и тихо. Массу смѣха и развлеченій доставляли одинокіе прохожіе, случайно проходившіе ночью мимо кладбища и испуганно дрожавшіе. Новый пріятель Ливашина, молодой самоубійца изъ хорошей семьи, всегда ругалъ такихъ прохожихъ нехорошими словами.

— Ну не дуракъ?—возмущенно спрашивалъ онъ кладбищенскихъ старожилковъ—идетъ и боится, изволите-ли видѣть... Когда женился, самъ лѣзъ на возможность женинныхъ любовниковъ—это ничего; въ клубъ ѣдетъ, гдѣ его обчистятъ какъ курицу—тоже не страшно; шубу съ него на улицѣ стащить могутъ—и это ему нипочемъ... Какъ птичка ходить... А когда мимо нашего брата—такъ зубъ на зубъ не попадаетъ... Кретины право...

— И чего боятся, не понимаю—соглашался Ливашинъ—точно такъ у нихъ сладко...

И ему уже казалось страннымъ какъ можно держаться за жизнь, которая вся представлялась ему теперь поисками обѣдовъ, квартиръ, капризныхъ женщинъ, извозчиковъ и дровъ. Самоубійцы теперь казались ему дѣлягами-карьеристами, которые быстро поняли суть дѣла и сразу перешли на лучшее положеніе.

— Спокойное наше состояніе—сладко сказалъ онъ—очень даже спокойное...

— Не скажите—вѣжливо замѣтилъ опытный покойникъ, сидѣвшій сбоку—у нашего брата тоже подневольныя дѣла бываютъ...

— А что?—испуганно откликнулся Ливашинъ.

— Тревожать. Оттуда требуютъ. Бездѣльники разные. Очень даже безпокойное время переживать приходится.

Больше ничего опытный покойникъ не объяснилъ. Ливашинъ ушелъ къ себѣ встревоженнымъ и немного огорченнымъ. Дня три-четыре онъ не выходилъ изъ могилы, додумываясь, что собственно можетъ нарушить его покой.

И наконецъ это настало.

IV.

— Духъ Ливашина, приди къ намъ.

Ливашинъ прислушался откуда это донеслось къ нему, вышелъ изъ могилы и встрѣтившись съ сосѣдомъ, удивленно подѣлился съ нимъ, что его зовутъ.

— Ну что-же, всѣ ходимъ—прошамкаль сосѣдъ—идите.

— Можетъ отказаться?—робко спросилъ Ливашинъ.

— Неудобно, Ливашинъ... Недавно умерли, а отъ своихъ обязанностей хотите...

Ливашинъ пошелъ на приглашеніе.

Въ квартирѣ его бывшаго сослуживца Варлева было довольно много гостей. Всѣ сидѣли въ полутемной комнатѣ, съ одной свѣчей на столикѣ, которая освѣщала листъ, исписанный буквами, и чайное блюдечко на немъ.

Было много знакомыхъ, и Ливашину хотѣлось поразспросить о многомъ, но лица у всѣхъ были серьезны и онъ остался въ уголкѣ.

— Ливашинъ, здѣсь-ли ты,—загробнымъ голосомъ спросилъ самъ Варлевъ.

— Здѣсь, Миша, здѣсь—съ улыбкой отвѣтилъ Ливашинъ, но вспомнивъ по прошлому, что его все равно не услышатъ, замолчалъ.

— Здѣсь-ли ты, духъ Ливашина—снова спросилъ Варлевъ—покажи блюдечкомъ.

— Какъ-же я имъ покажу удивился Ливашинъ—я блюдечками объясняться не привыкъ...

— Если ты здѣсь, пусть блюдечко зашевелится—предложилъ Миша Варлевъ.

— Ну это иное дѣло—улыбнулся Ливашинъ—изволь.

Онъ ткнулъ блюдечко, которое шмыгнуло по бумагѣ, вызвавъ этимъ примитивнымъ движеніемъ взрывъ восторга у варлевскихъ гостей. Самъ Варлевъ сразу обнаглѣлъ и развязно замѣтилъ:

— У меня это живо... Это можетъ у Мишатиныхъ духа по два часа какъ корову изъ ямы вытягиваютъ... У меня чуть блюдечко на столъ поставишь—духъ ужъ тутъ какъ тутъ.

И при благовѣйномъ молчаніи гостей добавилъ:

— Иной разъ даже неловко... Чай накрываютъ, только къ буфету подойдешь за блюдечкомъ, а ужъ оно само изъ рукъ рвется и духъ въ стѣну царапается...

— И все Ливашинъ?

— Преимущественно. Впрочемъ и другіе заглядываютъ...

Ливашину сдѣлалось немного обидно, но онъ смолчалъ, сжался, юркнулъ подъ блюдечко и сталъ ждать. Мрачный гость, который не курилъ, ѣлъ только рыбу и почему-то всегда пахъ сигарой, что онъ приписывалъ благородству происхожденія, задалъ вопросъ—сколько у него денегъ въ карманѣ.

Ливашинъ осторожно выглянулъ изъ подъ блюдечка, пересчиталъ невѣдомой рукой смятыя бумажки въ чужомъ карманѣ и быстро задвигалъ блюдечко.

— Не стоило изъ за твоихъ двадцати двухъ рублей человекѣ изъ могилы таскать—заворчалъ онъ—нашелъ бухгалтера тоже...

— Двадцать два рубля—торжественно прочелъ Варлевъ—изумительно... Господа, можетъ еще кто желаетъ?

Разбойничье-напудренная дѣвица торопливо написала что-то на бумажкѣ, сложила ее, сунула подъ бумагу съ буквами и вѣжливо попросила:

— Будьте добры, духъ... Отвѣтите мнѣ...

— Сударыня—галантно сказалъ Ливашинъ, зашевелившись подъ блюдечкомъ—если такая очаровательная дѣвица...

— Съ духомъ такъ нельзя—наставительно замѣтилъ Варлевъ—духа надо на ты. Это ужъ такъ принято. Иного обращенія онъ и не пойметъ... Сами понимаете... Взять хотя-бы извозчика. Того тоже на вы назовешь—вдвое возьметъ...

— Ты это къ чему?—насторожился Ливашинъ—можетъ ты еще скажешь, что я у тебя за деньги работаю, животное?—Вотъ выйду изъ подъ блюдечка, зазовешь то еще хоть разъ меня...

Потомъ прочелъ записку, слеталъ на сосѣдную улицу и познакомившись тамъ съ какимъ-то олухомъ, лкбезно отвѣтилъ блюдечкомъ напудренной дѣвицѣ:

— Любить. Женится.

— Мерси—поблагодарила дѣвица.

— И благодарить ихняго брата нельзя—упорно совѣтовалъ Варлевъ—духъ отъ этого хамѣть и разлѣнивается.

Съ нѣкотораго времени онъ взялъ по отношенію къ Ливашину покровительственный тонъ антрепенера къ выходной актрисѣ, наобѣщавъ всѣмъ гостямъ Ливашинскую работу, увѣрялъ, что Ливашинъ ему остался долженъ сто рублей и двѣ бутылки коньяку и теперь отработываетъ черезъ блюдечко.

— Черезъ нѣсколько минутъ всѣ набросились на блюдо съ вопросами; сначала съ нѣкоторымъ трепетомъ спрашивали о будущемъ строѣ въ Россіи, а потомъ уже нехотя и позѣвывая дошли до того, куда пропалъ рыжій сетерь городского землемѣра и какъ будутъ звать новую горничную.

Ливашинъ обидѣлся и пересталъ отвѣчать. Блюдечко остановилось какъ верблюдъ передъ заборомъ, Ливашинъ вылѣзъ и пройдя черезъ ухо дремавшего на креслѣ кога пошелъ къ себѣ.

— Ну какъ—спросилъ его сосѣдъ, вытряхивая стружки изъ гроба и провѣтривая могилу—были?

— Замучали черти... Что я имъ хиромантка, сыскная полиція что-ли... Осѣдлали.

— И не говорите—посочувствовалъ сосѣдъ протирая ребро—какъ привяжутся къ покойнику—не оторвешь... То-ли еще будетъ.

— Ну ужъ это положимъ...

Ливашинъ долго ворочался въ гробу и кряхтѣлъ; хотѣлось кому-нибудь пожаловаться.

V.

Съ этой ночи началась каторжная жизнь. Гдѣ-бы ни былъ Ливашинъ—разглядывалъ ли новую могилу, ссорился-ли съ ворчливыми скелетами у ограды, или засиживался въ мирной бесѣдѣ гдѣ-нибудь въ уютномъ склепѣ—неизмѣнно подходилъ къ нему дежурный по кладбищу и вѣжливо увѣдомлялъ:

— Это вы Ливашинъ? Требуютъ.

— Куда?

— На Разсохинскую, угловой домъ, квартиру не слышалъ—сами узнаете.

— Можетъ кто-нибудь другой пойдетъ—уныло спросилъ Ливашинъ—одиннадцатую ночь подрядъ работаю.

— Ничего не могу—разводилъ костями дежурный—молдыхъ нельзя, а старики всѣ разобраны, работаютъ по знакомымъ...

И Ливашинъ поеживаясь шелъ по воздуху на надоѣвшую работу.

— И чортъ меня дернулъ—ворчалъ онъ—открывать имъ какіе-то секреты, вертѣть ихъ паршивыя блюда... Вотъ и довертѣлся...

Его уже не смущали незнакомыя квартиры и лица. Онъ профессиональнымъ жестомъ сжимался, лѣзъ подъ блюдечко и работалъ какъ лѣнивая кухарка—быстро и не то, что нужно.

Когда его спрашивали какъ его зовутъ онъ отвѣчалъ, что Николаемъ, увѣрялъ блюдечкомъ, что родился шестьсотъ лѣтъ тому назадъ, самъ онъ тунгузъ и разговаривать не хочетъ.

Но ничего не помогало. Уцѣпившись за присутствие Ливашина, очередной медиумъ, чаще всего провизоръ Крупикъ, такъ заступался за каждое Ливашинское показаніе, что, даже самая отчаянная ложъ еще больше способствовала популярности Ливашина.

— Какъ странно, недоумѣвалъ кто-нибудь изъ получившихъ отвѣтъ—я спрашивалъ куплю ли я лошадь, а духъ говоритъ: Семень Антоновичъ.

— Духъ прямо не отвѣчаетъ—горячо заступался медиумъ—Семень Антоновичъ—это кучеръ.

— У меня кучера будутъ звать Егоромъ. И чтобы борода была рыжая.

— Ну знаете—это вы, а духъ лучше васъ догадывается...

Ливашинъ вралъ о присутствующихъ, предсказывая престарѣлымъ чиновникамъ, что они умрутъ отъ родовъ. Молодыхъ женщинъ онъ увѣрялъ, что имъ грозитъ сол-

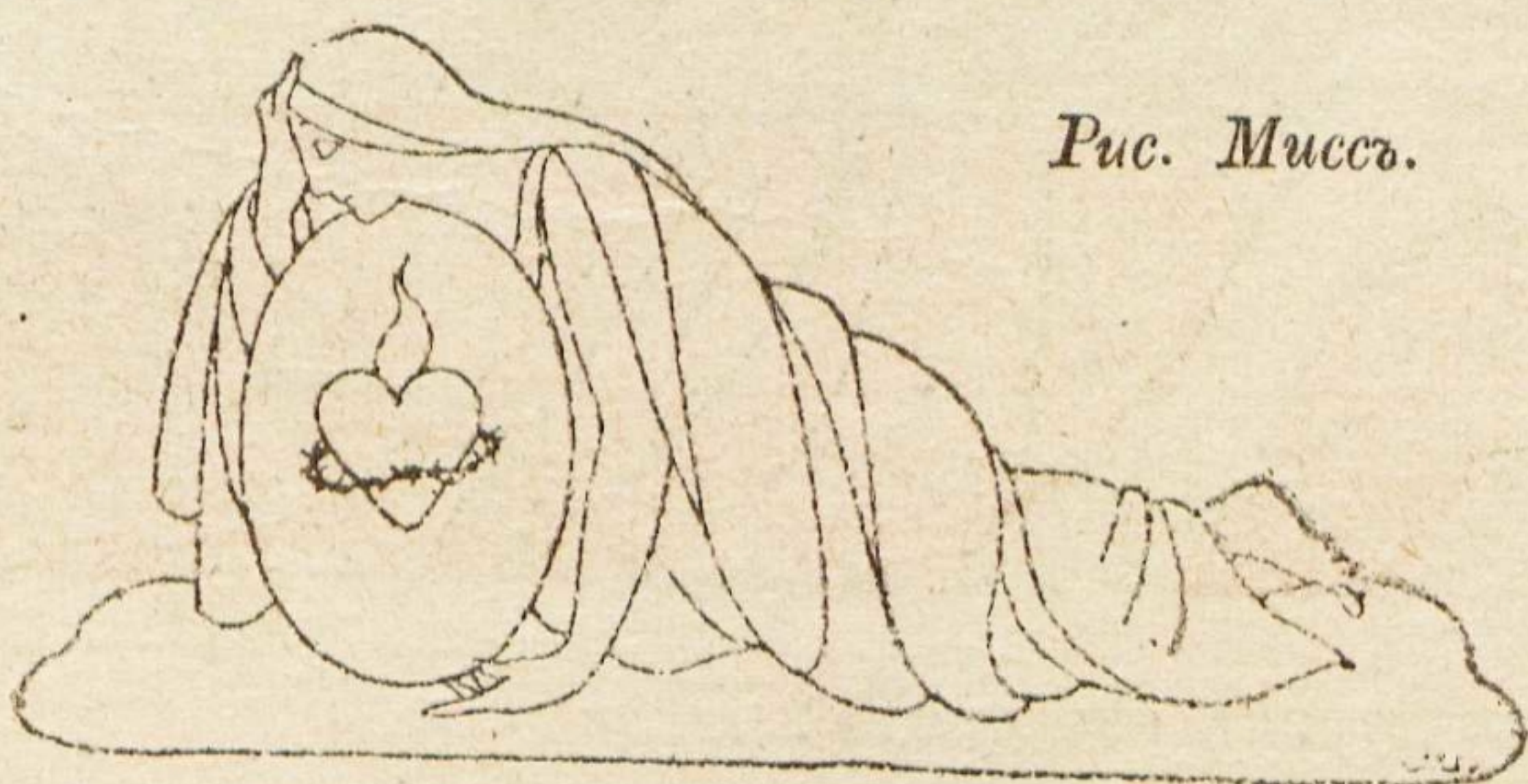

Рис. Миссъ.

дация, по поводу мелких кражъ онъ явно намекалъ на лицъ завѣдомо уважаемыхъ. Не было ни одного общественнаго зданія, которому-бы Ливашинъ не предсказывалъ гибели въ огнѣ, съ указаніемъ точныхъ сроковъ—медіумъ обстоятельно разъяснялъ все это въ такой общепонятной и заманчивой формѣ, что Ливашинъ заранѣе зналъ на какое количество дней онъ уже занятъ въ квартирахъ присутствующихъ на сеансѣ.

Ливашинъ уже спрашивалъ всѣхъ знакомыхъ покойниковъ не можетъ-ли онъ сойти съ ума, чтобы отвильнуть отъ работы, но покойники какъ одинъ увѣряли его, что до сихъ поръ въ покойницкой жизни такихъ случайностей не бывало.

Особенно злило Ливашина, когда какой-нибудь заѣзжий коммивояжеръ, еще не успѣвъ распечатать чемодановъ съ образцами, уже хватался за блюдечко, вызывая его и подробно спрашивалъ удастся-ли ему сбыть въ городѣ гнилой товаръ неосторожнымъ купцамъ.

Не было въ городѣ ни одной скверной исторіи, ни одного подлога и растраты, о которыхъ бы не зналъ Ливашинъ, принужденный все выслушивать, давать совѣты и предупреждать.

Отсыпаясь кое-какъ за день, вечеромъ онъ уже безропотно собирался въ путь на работу, а къ утру устало путалъ вопросъ о томъ не будетъ-ли несчастныхъ послѣдствій отъ любви двухъ олуховъ и счастливо-ли дойдетъ то-

варь у фабриканта. Фабрикантъ конечно былъ очень удивленъ, узнавъ, что у него будетъ ребенокъ, а олухи негодовали получивъ отвѣтъ о накладныхъ расходахъ, но на другой вечеръ все же снова вызывали Ливашина...

VII.

Почернѣлъ и похудѣлъ Ливашинъ. Съ мрачной горестью вспоминалъ онъ тотъ день, когда не послушался доктора, наѣлся пикулей и захворалъ.

— Жиль-бы да жиль... И муки такой не было. Живого человѣка подъ блюдечко не посадишь, жилы изъ него не вытянешь...

Почти двое сутокъ не выходилъ онъ изъ могилы, а выйдя не сказалъ никому ни слова, почистилъ снѣгомъ остатки пиджака, осторожно осмотрѣлся по сторонамъ, выкопалъ гробъ и схвативъ его лѣвой рукой перемахнулъ черезъ ограду.

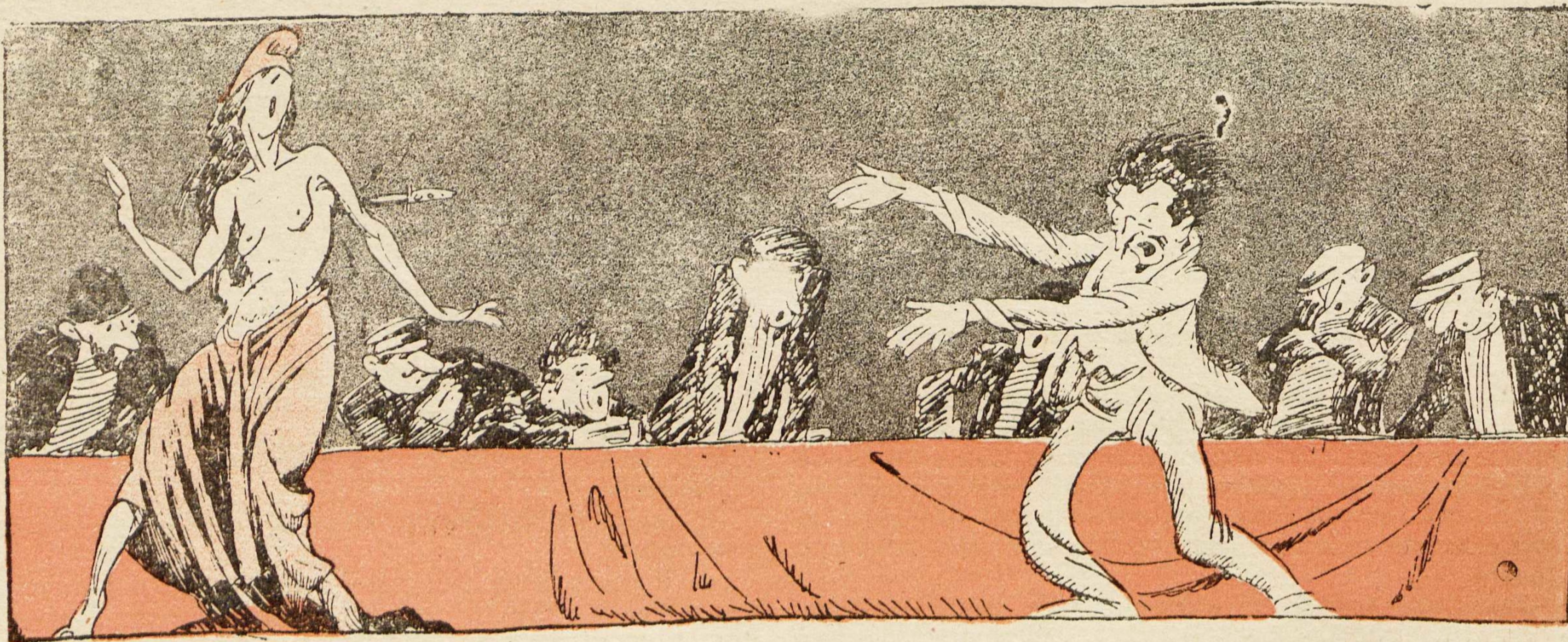
— Будетъ— сумрачно бросилъ онъ въ сторону—отдохнулъ, чтобы васъ черти ѣли... Была мнѣ земля пухомъ... Вамъ бы такого пуха на голову...

Вѣсть объ исчезновеніи Ливашина быстро облетѣла все кладбище и не прошло и часа какъ около раскрытой могилы стояли всѣ земляки Ливашина и обсуждали событіе.

— Должно быть съ гробомъ его вызвали—высказалъ предположеніе ближайшій сосѣдъ—охамѣли люди, мало имъ одного духа, такъ чтобы и вещественное доказательство...

ИСПОЛНЕНІЕ СЛОВА.

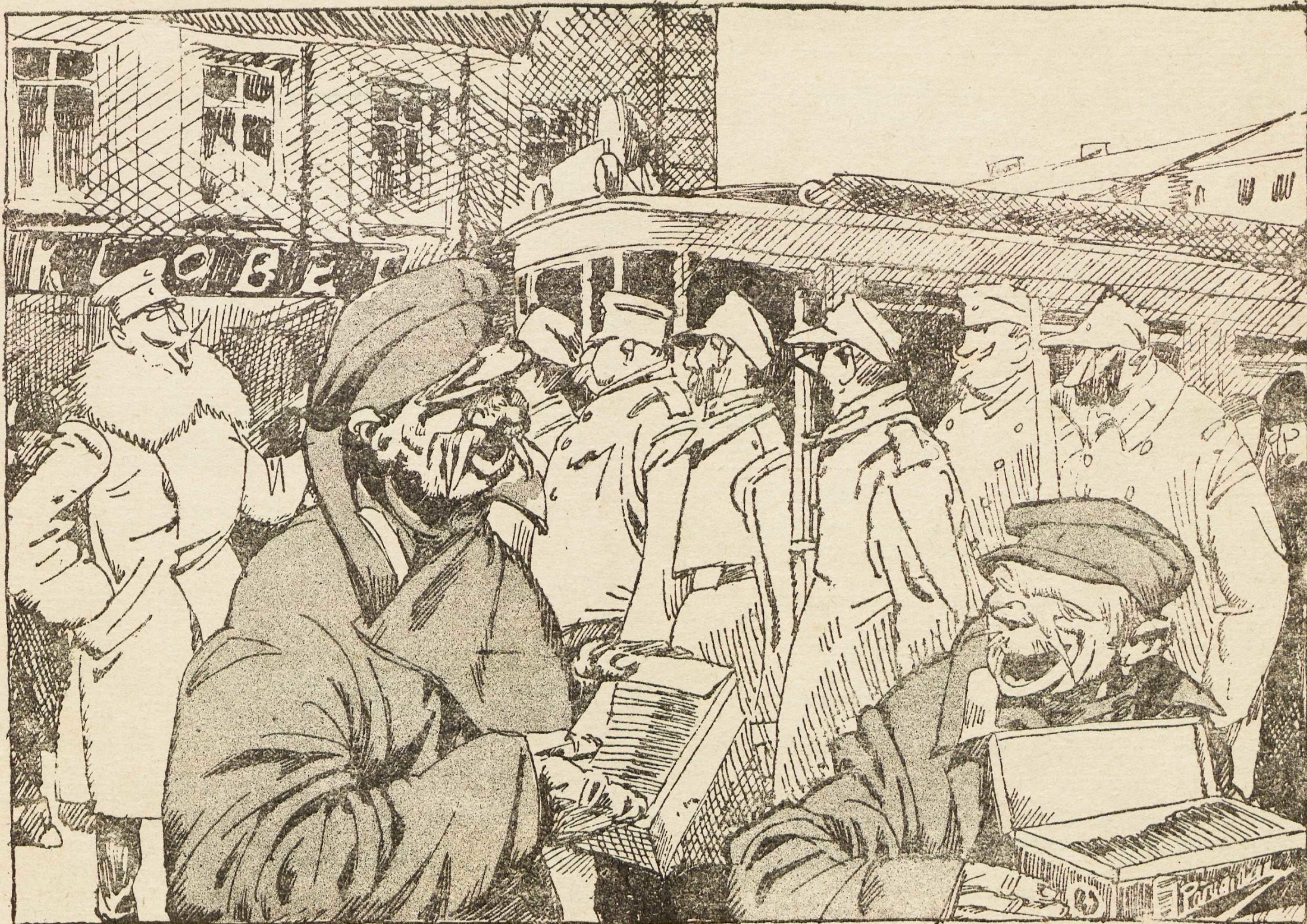
Рис. В. Антоновскаго.

Большевикъ. — Товарищи! Интеллигенты всаживаютъ ножъ въ спину русской революціи! Мы большевики, поступаемъ наоборотъ!

И поступилъ наоборотъ...
Всадилъ не въ спину, а въ животъ.

СУЖДЕНЫ НАМЪ БЛАГІЕ ПОРЫВЫ...

- Хорошо нонче одинъ говорилъ на митингѣ, я говорить, готовъ за социализмъ костями лечь!
- Легъ?
- Сѣлъ. Въ тюрьму.
- За социализмъ?
- За кражу.

— А можетъ продавать его понесъ — обиженно замѣтилъ другой сосѣдъ — дерево нынче дорого. Всякій про запасъ купить...

И только одинъ старый покойникъ, котораго за старостью не вызывали даже на спиритическіе сеансы, свѣсился изъ окошечка склепа и съ многозначительной улыбкой кинулъ вѣское слово.

— Второй уже случай у насъ — прошамкалъ онъ — второй случай, дѣтки...

— Какой случай, дѣдушка?..

— Да вотъ какъ съ этимъ. Лѣтъ такъ тридцать тому назадъ тоже одинъ не выдержалъ.

— И что-же сдѣлалъ-то?

— То-же и сдѣлалъ. Воскресъ, дѣтки. Не выдержалъ...

Пожилой паралитикъ съ негодованіемъ сплюнулъ на дорожку...

— Жуликъ мелкій... Теперь онъ можетъ еще насъ вызывать будетъ...

— И вызоветъ — усмѣхнулся старичекъ — они народъ дошлый...

Расходились отъ могилы молча, обиженные и суровые. А въ сторонѣ подъ большей запущенной снѣгомъ елью, рослый скелетъ въ трикотажныхъ прогнившихъ брюкахъ укоризненно шипѣлъ молодому самоубійцѣ.

— Вотъ вамъ и справедливость... Мы съ вами ляжку тянуть должны, а этотъ мерзавецъ заляжетъ сегодня спать на пружинномъ матрацѣ, завернется въ одѣяло... А почему — потому что совѣсти въ немъ нѣтъ, о себѣ только думаетъ... А вы справедливость... справедливость... Давитесь вы ей сами этой справедливостью...

И самоубійца виновато разводилъ руками...

АРК. БУХОВЪ.

ІЕРОНИМЪ КРОНШТАДТСКІИ.

На мѣсто старца Іоанча
Притекъ въ Кронштатдъ Іеронимъ,
Пѣвецъ воинстве наго стана,
Сѣдобородый херувимъ.

Въ очахъ блаженство Симеона.
Елейный запахъ отъ волосъ,
И въ складкахъ скромнаго хитона,
Коварно спрятанный доносъ.

Ликуеть въ Смольномъ Луначарскій.
Ликуеть Троцкій вмѣстѣ съ нимъ,
Зане на праздникъ пролетарскій
Явился самъ Іеронимъ,

Пускай хулить насъ хоръ бараній.
Съ Іеронимовымъ перомъ
Мы мигомъ „бунтъ“ ихъ „тараканій“.
И усмиримъ, и осмѣемъ.

Тогда постигнуть Короленки
Всю нашу мощь и правоту,
И геній мудраго Крыленки,
И дѣль Шнеурскихъ чистоту.

Ля Сержъ.

ВОЛЧИ ЯГОДЫ.

Смольная математика.

Когда большевистская «Правда» вретъ, вообще—какъ ее уличишь съ поличнымъ?

Или передернетъ или отмолчится.

А вотъ интересно, какъ она передернетъ въ этомъ наглядномъ случаѣ:

Въ № «Правды» отъ 20 Декабря проведена такая математическая выкладка:

Зарегистрировалось у Урицкаго Членовъ Учред. Собр. 98 чел.
Взявшихъ обратно удостовѣреніе . . . 2 »

Итого . .

Ну, какъ вы думаете, читатель, если вамъ знакомо вычитаніе? Записалось 98, а 2 взяли свою часть обратно... Сколько осталось?

Что касается «Правды», то она подводитъ такой итогъ:

Итого, всѣхъ зарегистриров. 100 чел.

Впрочемъ, у большевиковъ своя арифметика,

Задайте такому математику задачу:

— „У дѣвочки было 10 яблокъ, два она отдала вамъ—сколько у нея осталось“?

— Ничего у нея не осталось,—бойко отвѣтитъ большевикъ.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Остальныя я отниму. Если что у нея и останется, то пара синяковъ.

Гвоздичка.

Не везетъ и лѣвымъ с.-р.

Цвѣточекъ дикій

Попалъ въ одинъ букетъ съ гвоздикой...

И что же,—отъ нея сталъ пахнуть самъ..

Кто бы изъ лѣвыхъ с.-р. не попалъ въ букетъ большевиковъ—такой отъ него „гвоздикой“ понесетъ, что носъ заткнешь:

„Дѣло Народа“ разоблачаетъ еще одного виднаго лѣваго с.-р. играющаго большую роль въ новомъ совѣтѣ кр. депутатовъ, Г. М. Иващенко.

Этотъ „революционеръ“ бѣжалъ изъ сибирской ссылки и въ Бѣлой Церкви организовалъ группу экспроприаторовъ, совершившую цѣлый рядъ грабежей. Сидя въ Шлиссельбургской тюрьмѣ, въ то время, когда политическіе заключенные подвергались истязаніямъ со стороны начальника тюрьмы Зильберга, Иващенко „пѣлъ панихиды по Столыпинѣ и Максимовскомъ за чай, сахаръ и табакъ“.

Газета говоритъ и о другихъ „художествахъ“ Иващенко, которому, по ея словамъ, мѣсто не въ рядахъ партіи, а въ „сучьемъ куткѣ“ (!).

Что это за таинственный „сучій кутокъ“?

Не Смольный ли?

Делегация весельчаковъ.

Ой, хитеръ нѣмецъ! Ой, раскусилъ онъ своихъ новыхъ друзей!

Нѣмцы предложили компромиссное рѣшеніе русской делегации по вопросу о выборѣ другого мѣста для веденія мирныхъ переговоровъ. Нѣмцы указали, что они понимаютъ, что можетъ быть русской делегации „скучно“ (!) вести переговоры въ Брестѣ и поэтому предложили Варшаву.

Очевидно, они думаютъ, что русская делегация въ перерывахъ между засѣданіями только и дѣлаетъ, что, заложивъ большіе пальцы рукъ въ проймы жилета—лихо отплясываетъ матчишъ.

Радиоактивники.

Тонкій ходъ, чортъ насъ всѣхъ раздери:

Въ виду того, что издаваемая совѣтомъ народныхъ комиссаровъ газета для австрійскихъ и нѣмецкихъ солдатъ „Факель“ не доходитъ по назначенію, совѣтъ народныхъ комиссаровъ рѣшилъ издавать особую газету по радіо. Радіо будетъ передавать статьи агитационнаго характера и выдержки изъ „Факела“.

Настоящая радиоактивность.

Получить радіотелеграфистъ такую радіогазету и, показавъ ее радіоначалству, тихо снесетъ въ радіоуборную.

Сальтомортале.

— Пійшли наши въ гору,—какъ говорилъ цыганъ.

По протекціи г-жи Коллонтай въ фабричное село Вичуга Костромской губ. назначенъ чрезвычайнымъ комиссаромъ бывшій клоунъ.

Какъ извѣстно, клоуны всегда выѣзжаютъ на ослахъ.

Солдатская доля.

Теперь мы знаемъ отвѣтъ на Некрасовскій вопросъ: „Кому вольготно, весело живетъ на Руси?“

Большевистская городская управа постановила уплатить за очистку снѣга по 20 руб. въ день на своихъ харчахъ и по 13 руб. при пищевомъ довольствіи города. Солдаты и безработные отказались работать на этихъ условіяхъ.

Солдаты отказались, а офицеры, глядишь, на половинную плату пойдутъ.

Потому, буржуй, онъ, какъ гадина, всякую дрянъ готовъ лопать...

Судоговореніе.

Какъ живетъ и работаетъ революціонный трибуналъ:

Выступилъ „прокуроръ“ большевикъ Мануильскій.

Въ своей рѣчи по обвиненію Зелинскаго онъ допустилъ выраженіе: „Я увѣренъ, что этотъ Зелаинскій не офицеръ, а самозванецъ“

— Я офицеръ,—кричитъ Зелинскій съ мѣста.

— Вы—самозванецъ.

— А вы—сволочь!

Въ старомъ буржуазномъ судѣ это, кажется, называлось:

— „Пренія сторонъ“.

Маленькая эволюція.

Какъ вы думаете—кто это писалъ?

Въ городѣ не должно остаться ни одного человѣка, который не зналъ бы, что его требованіе — Всенародное Учредительное Собраніе. Деревня должна знать, что ея требованіе это — Всенародное Учредительное Собраніе. Крестьяне должны быть призваны собираться въ день всеобщей забастовки на свои сходы и постановить требованіе созыва Учредительнаго Собранія. Всероссійское студенчество должно быть призвано всюду и вездѣ приурочить свои выступления во всероссійской демонстраціи въ пользу Учредительнаго Собранія. Всѣ общества и организации, ученые и профессиональныя, органы самоуправленія и органы оппозиціонной печати должны быть предупреждены рабочими, что ими готовится къ опредѣленному времени всероссійская политическая стачка, чтобы добиться созыва Учредительнаго Собранія.

Кто это писалъ? Троцкій это въ 1906 г. писалъ—тотъ самый Троцкій, который нынѣ схватилъ за горло Учредительное Собраніе и душилъ его!

Но это—ничего. Все таки 11 лѣтъ прошло. Могъ человѣкъ немножко освѣжиться, немножко перемѣниться...

А вотъ тройное сальтомортале, продѣланное слѣдователемъ по дѣлу Пуришкевича—Тарасовымъ-Родионовымъ—это верхъ циркового искусства!

* 15-го іюля комендантомъ гор. Ораніенбаума отъ подпоручика Тарасова-Родионова было получено заказное письмо № 495.

„... Я стыжусь и краснѣю, что, вѣря старымъ вождямъ, Ленину и другимъ, я былъ проводникомъ этихъ идей въ массѣ, про-

Редакція журнала „БАРАБАНЪ“

почтительнѣйше проситъ читать этотъ замѣчательный журналъ.

Всѣ же, которые будутъ уклоняться отъ этой обязательной повинности—объявляются симъ декретомъ—врагами народа и друзьями большевиковъ.

Журналъ „Барабанъ“ продается всюду, такъ что—отговорки: дескать я не могъ нигдѣ достать—совершенно неумѣстны.

Ред. журн. „Барабанъ“.

водником искреннимъ и убѣжденнымъ. Я никогда не думалъ, я никогда не могъ повѣрить, чтобы эти идеи были только ловко продуманной игрушкой въ рукахъ проклятаго врага нашей родины—Вильгельма, виноватъ что былъ большевикомъ, виноватъ, что безсознательно былъ хотя и слабымъ, но все же слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ лицъ, которыя запятели себя измѣной родины... Генералы скрылись, остались стрѣлочники... О, дайте мнѣ искупить эту вину, дайте право умереть на фронтѣ, защищая родину, честнымъ человѣкомъ... Я рѣшилъ умереть за родину, чтобы искупить свой грѣхъ большевистскихъ идей...

Я плачу, я реву, я рву свои волосы. Не о себѣ, а о своей родинѣ, которой своими неprovѣренными идеями я причинилъ столь медвѣжью услугу“.

Итакъ—до прїѣзда въ Россію Ленина—оборонецъ, затѣмъ большевикъ (до 15 іюля). Послѣ 15-го іюля опять оборонецъ. Послѣ 25 октября—опять большевикъ.

Хо-о-рошій цирковой номеръ подъ названіемъ:
— «Гуттаперчевый мальчикъ».

Смѣхъ по радію.

Еще до ухода съ Мурмана англійскихъ судовъ нашими судами, стоящими совмѣстно съ англійскими, получено было распоряженіе отъ высшихъ морскихъ военачальниковъ поднимать красный флагъ вмѣсто андреевскаго.

Наши офицеры, во избѣжаніе недоразумѣній со стороны англичанъ по поводу поднятія такого флага, послали въ воздухъ радіо о новомъ распоряженіи нынѣшняго правительства и вскорѣ получили отвѣтную: „На здоровье! Ха, ха!“

Хорошо имъ смѣяться, англичанамъ. А каково намъ...

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Л. Кок—су.—Посылая стихи, вы въ свое оправданіе приводите такой резонъ: „У всякаго своя манера веселиться“.
Стихи уничтожены.
И это—наша манера веселиться.

Василь Степаньчу. Для того, чтобы ваше имя было опозорено на вѣки вѣчные—приведемъ только первые 4 строки „пародіи“...

Прибѣжали въ Смольный дѣти—
Въ (?) торопяхъ зовутъ отца:
„Ленинъ, Ленинъ! наши сѣти
Притащили калединца!“

Дѣтямъ еще простительно, что они риѣмуютъ: „отца“ и „калединца“, но вы!

Вся интеллигенція отворачивается отъ васъ съ презрѣніемъ. А. Д. С.—Этотъ молодой человѣкъ откровенно, но не совсѣмъ грамотно сообщаетъ, что онъ „не можетъ зайти лично, вслѣдствіе уржденной (?) застѣнчивости“.

Какое имя носить эта уржденная застѣнчивость въ замужествѣ—неизвѣстно.

Эгоисту.—„Эгоистъ“ смотреть на жизнь крайне легкомысленно, чуть не приплясывая:

„Вслѣдствіе того, что не имѣю сапогъ, рѣшилъ сдѣлаться по-этомъ!“

Гораздо проще въ этомъ случаѣ сдѣлаться сапожникомъ. Тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя характерныя черточки въ вашихъ стихахъ даютъ основаніе надѣяться, что въ этой несложной профессіи вы достигнете шумнаго успѣха.

Комъ Дондалекову.—У Коли юморъ примитивный, пересыпанный, грубой крупной солью:

— „Большевикъ за словомъ въ карманъ не полѣзеть.“
— А зачѣмъ полѣзеть?
— За кошелькомъ, И то за чужимъ“.

Или:

— „Я этого комиссара недавно смазаль.
— Неужели, онъ беретъ?
— По мордѣ? А что-жъ ему дѣлать, если я даю“.

Все остальное „замѣшано еще круче“. Не подошло.

Polisson'у.—Точность описанія деталей изумительная: „Одинъ бокъ у Марьи Кондратьевны былъ немного выше другого, а другой ниже“.

Не скажи вы о второмъ бокѣ, что онъ „ниже“ перваго—ни-зачто-бы не догадаться.

Гансу Об—бу.—„Хочу вступить въ ряды сатириконецвъ“.
Непзя. Вы изъ ряду вонъ выходящій.

Ave.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

6-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

на 1918 годъ.

„Новый Сатириконъ“.

52 №№ обильно иллюстрированнаго | 2 цѣнныхъ премій (бесплатно)
журнала въ краскахъ.

за 12 мѣс. (съ преміями)—30 руб., за 6 мѣс.—15 руб., за 3 мѣс.—
7 р. 50 к. и за 1 мѣс. 2 руб. 50 коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88. Тел. 59-07.

Хоть при пересылкѣ за границу стоимость журнала, обыкновенно, повышается, но мы посылаемъ журналъ въ Украину, Сибирь, Кавказъ, Финляндію и др.—по той же цѣнѣ. Чихать намъ на такую границу!

Издательство.

У С Т У П К А.

Въ нѣкоторыхъ городахъ во время уличныхъ боевъ не пощажены и церкви.

Изъ газетъ.

Рис. Казимира Груса.

— Религія изгнала торгующихъ изъ храма... А насъ и изгонять не надо—сами на улицу торговать пойдёмъ...